

18+

Вика РАМОРЕЦКАЯ

Белка

и другие рассказы

Амстердам

Вика Драморецкая

Белка. И другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278063

ISBN 9785448311079

Аннотация

В сборник вошли рассказы-притчи, читая которые, начинаешь терять грань между реальностью и выдумкой. Потому что реальность рассказов слегка абсурдна и нелепа. Впрочем, может быть, наша жизнь тоже не так логична, как нам кажется?

Содержание

Белка	5
Крылья	14
Варжаб	28
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Белка

И другие рассказы

Вика Драморецкая

© Вика Драморецкая, 2018

ISBN 978-5-4483-1107-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белка

Жил на свете мужик. Однажды он шел по улице и вдруг нашел дохлую белку. Рядом с белкой лежал пустой пакет из-под чипсов и время от времени тихонечко начинал ползти по тротуару: от ветра.

– Хорошая белка! Вот повезло тебе! – сказал ему один проходящий мимо алкаш. – Бери-ка ты её мужик побыстрее, вон и пакет рядом лежит, завернешь. Не каждый же день такая удача!

«И правда, – подумал мужик, – белка-то ведь хорошая, новая совсем, свежая. Её и в суп можно, и на котлеты. А шкурку жене на воротник! Или хоть на одну варешку, да хватит. Вторую варешку можно из кота сделать, хоть повод будет от этой скотины избавиться, а то уже всю квартиру обгадил».

– Вот-вот, а я тебе что говорю! А ещё из белки можно чу-чело сделать, сдать его в комиссионный магазин или продать в среднюю школу. Как-никак, а на бутылку да хватит!

А тут какая-то тётка как подскочит, да прямо к белке. И схватить её уж норовит.

– Ой, какая белочка! Ну-ка я её своей Машеньке заберу, пусть играетя!

Схватил мужик свою белку побыстрее от тёткиных цепких рук, в пакет из-под чипсов пихнул, тот пакет в другой

пакет, полиэтиленовый с ручками, да поспешил домой, довольный находкой.

Дома пакет мужик повесил на вешалку, сверху куртку свою навесил и с того самого момента забыл про белку чисто.

Спустя несколько дней жена скривила нос и сказала подзрительно:

– Чем-то здесь таким пахнет, чувствуешь?

И забегала по квартире, углы обнюхивая.

– Вот! – торжествуя заключила она. – Пахнет около шкафа с твоей одеждой. Сколько раз тебе говорила, не клади грязное белье к чистому. Носки бы хоть стирал почаще!

– Какие носки! Какие носки! Да это около ванны воняет! Опять этот твой кот под ванной нагадил!

– Да какой кот! Какой кот! Это вовсе и не кошачий запах!

– Кошачий, кошачий!

– Да кому ты говоришь! Я что, не знаю, как кошачьи кашки пахнут?

– Это твоя скотина, больше никому!

– Нет там ничего, под ванной! Не веришь, слазай и проверь!

– Ага, сейчас, так я тебе и полез! Чтобы к моему возвращению убрала всё, или я твою скотобазину на помойку выкину!

И ушел на работу, хлопнув дверью.

А тут к жене пришел любовник. Только он в дверь по-

звонил, жена спохватилась, схватила духи и давай ими всю квартиру опрыскивать. Потом дверь открыла, а сама в ванну юрк и закрылась на защелку. А любовник её из-за двери спрашивает:

– Ты что это в ванне закрылась?

– А я душ принимаю. Вот душ приму, а потом к тебе в объятия прямо, вся чистая и розовая.

А сама тем временем под ванну полезла, за котом убирать, да в темноте не видно ничего.

– Дай-ка мне зажигалку, – просит.

– А у меня нет.

– А ты посмотри там, в одежде на вешалке.

Любовник порылся по карманам, нашел зажигалку, да пакет заприметил, смотрит внутрь, а там пакет чипсов лежит.

Он зажигалку-то под дверь просунул, а сам спрашивает:

– Я тут у тебя чипсы нашел, можно?

– Кушай-кушай, – доносится глухой голос жены. Это она уже под ванну залезла, да зажигалкой её всю освещает.

Любовник пакет с чипсами открыл, а там лежитдохлая белка.

– Фу, какая гадость! – сказал он и вытащил её за кончик хвоста. С белки уже начала осыпаться шерсть, да и протухла она тоже уже основательно.

– Вот ведь подлец! Говорила же я ему, что это от его носков воняет! – сказала жена, выходя из ванны, и хотела уж было к любовнику в объятия кинуться, как вдруг увидела

белку и завизжала, как сумасшедшая:

– Что это?

– Это дохлая белка, милая моя! – язвительно ответил любовник.

– Зачем ты её принес? – взвизгнула жена и залезла на табуретку.

– Да это же ваша белка!

– Нет, не наша!

– Ваша-ваша, я её в вашем пакете нашел, думал чипсов поесть, а там такая краля возлежит!

– Да что ты врешь, прохвост! Так я тебе и поверила! Ты её специально в зоомагазине купил, потом замучил до смерти, и всё это ради того чтобы поиздеваться надо мной! Подонок!

– Это я-то подонок? Кого это ты, дура, подонком обозвала?

– Ой-ой-ой, это я дура? Вот скотина! Я всегда знала, что тебе нужно только мое тело!

И они поругались до смерти, и любовник ушел, хлопнув дверью, перед уходом плюхнув безжизненное тело белки обратно в пакет с чипсами и оставив пакет на зеркале.

Мужик на работе ходил весь день задумчивый. Как-то он услышал за соседними рабочими столами разговор двух тёток. Одна говорила другой:

– Я тут себе к зиме такую шубу купила! Норковую!

– А я у своего мужа все прошу-прошу, а он мне даже варежки меховые купить не в состоянии.

Тут мужик как хлопнет себя по лбу и как воскликнет:
– Господи! Это ж у меня белка протухла!

И рассказал всем на работе, про то, что у него в квартире вот уже которые сутки лежит белка в пакете из-под чипсов и тухнет.

Одна строгая тётенька сказала:

– Фу, как это негигиенично, держать белку в пакете!

А один веселый дяденька сказал, что белку ещё можно спасти, заспиртовать и сдать в Кунсткамеру в обмен на бутылку водки.

Мужик взял телефон и позвонил домой жене. Он сказал:

– Там на вешалке висит пакет, видишь.

– Вижу, – притворно-ласковым голосом сказала жена.

– Возьми его срочно и положи в морозилку.

– А что в пакете? – спросила ещё более ласково жена.

– Не твое дело. Да там просто чипсы.

– А я знаю что там, – нежно-нежно сказала жена и вдруг завизжала в трубку: – Там лежит тухлая белка, подонок, это ты её припёр?!

– Ну, я! А зачем ты смотрела, дура! Я ж её тебе принес, на воротник!

– Идиот! – завопила жена и бросила трубку.

Муж отпросился на работе, да его и не держали, зная, что у него срочное дело: дома белка тухнет. Ну не будешь же человека задерживать, так у него вся квартира провонять может.

Пришел мужик домой, а там тихо. Нет ни жены, ни белки, ни пакета.

– Выкинула! – в сердцах сказал мужик и пошел на кухню.

На кухне на столе стояла тарелка с едой, которую жена ему на ужин приготовила, накрытая другой тарелкой. Мужик тарелку вторую поднял, смотрит, а там что-то коричневое лежит. Думал баклажаны. А тут пригляделся и видит: лежит его белка, а сверху зелененький листик петрушки кокетливо красуется.

Схватил мужик тарелку от злости, кинул её в мусорное ведро. Потом подумал немножко, понюхал воздух – а ведь действительно пахнет! Пришлось взять ведро и бежать с ним на помойку, белку выкидывать.

По дороге ему старушка попалась, любопытная больно. Заглянула она в ведро мужика, пока они вместе в лифте ехали, да спросила так вкрадчиво:

– Что это у тебя там, милок, в ведре-то так воняет?

– Белка тухлая! – зло ответил мужик.

– А тухлая белка – хорошо от простуды. Ты её бы высушил, в порошок смолот, да чаёк заваривал. Помогает.

Мужик закрипел зубами. Остановил лифт на третьем этаже, сам пешком пошёл, а старушка дальше поехала. Идет мужик вниз по лестнице, а навстречу ему мальчик с собакой. Большая такая собака, черная. Она как белку учуяла, так к мужику рванулась, и запустила морду прямо в ведро, белку в зубы схватила и за хвост из ведра вытащила.

– Ой, – говорит мальчик, – это дяденька случайно не та белка, которая недавно из юннатского кружка сбежала?

А сам собаке кричит:

– Фу, Тузик, брось эту гадость!

И уже её из пасти собачьей тянет. Так тянул сильно, что оторвал ей хвост.

– Вы бы её дяденька обратно юннатам снесли, а то ведь они волнуются.

И пошел дальше по лестнице, как ни в чем ни бывало.

– Маленький засранец, зачем хвост оторвал! Лишь бы порукосуйничать, – сказал мужик, запихивая белку обратно в ведро.

Вышел мужик на улицу. Идет, а под кустом сидит маленькая девочка и горько-горько плачет. Он остановился и спросил:

– Что ты плачешь, девочка?

– Я белочку потеряла.

– Какую белочку?

– Пластмассовую.

– Где же ты её потеряла?

– В песочнице.

– Не плачь, маленькая, я тебе дам другую белочку.

– Правда? – сказала девочка и перестала плакать.

– Правда, – ответил мужик, – только она мертвая.

Мужик сел с ней рядом под куст и показал ей белку в ведре.

– А почему она не шевелится?

– Она умерла.

Девочка вздохнула тяжело и сказала:

– Тогда мы должны её похоронить, не на помойку же выкидывать.

Мужик согласился. Он помог девочке выкопать для белки могилку, и они закопали её вместе с тарелкой. Ведро сверху поставили и написали на нем мелом:

«Белка. Годы жизни: ? -2005»

Вечером мужик вернулся домой невесёлый. А жена тут как тут, как принялась его пилить:

– Куда ведро дел, сволочь?

– Я в нём похоронил белку.

– Вот ведь скотина! Убирайся, и чтобы без ведра домой не возвращался!

– Что же тебе, ведра жалко? Я же его не пропил, я же его для могилы использовал, – сказал мужик устало.

– Иди, иди! А то я сама схожу, выкопаю твою дурацкую белку да сожгу на помойке, а ведро тебе на голову надену!

– Зачем ты хочешь надругаться над таинством смерти? – грустно сказал мужик.

– Таинство смерти у него! Видишь, какой! Иди за ведром, придурок!

Мужик слушал-слушал, как она его пилит, а потом вдруг встал и сказал:

– Ты была когда-то хорошей женой, а потом запилила ме-

ня до смерти. И поэтому я от тебя ухожу.

И ушёл. И правильно сделал. Потому, что жена не должна пилить мужа.

Крылья

У одной девочки однажды выросли крылья. Сначала у неё очень долго чесалась спина, наверно с неделю или даже с две. Одним вечером она мылась в ванне и очень сильно стала тереть спину мочалкой. Уж так чесалось! Сначала девочка чесала спину осторожно, бережно водя жесткой мочалкой, но это совсем не облегчало страдания, а наоборот, только усиливало. А спина ещё такое неудобное место, знаете, толком и не почешешь. В общем, девочка разошлась и заскоблила с новой силой, неловко закидывая руку. Чешет она, чешет, и тут вдруг чувствует – что-то мешает, как кусок целлофана. Ей сначала даже показалось, что это пластиковая занавеска попалась, или там пакет какой-то несуразный. А целлофан за спиной шуршит и шуршит, девочка рукой дёргает, пытается его со спины скинуть, а он как будто бы прилип намертво. Ну, она по неосторожности, сразу же, конечно, необразишь, что там такое прилипло, ка-ак дернула нетерпеливо и смотрит, что это в руке у неё осталось.

А в руке у неё действительно кусок чего-то целлофанового остался, да ещё в прожилочках, блестит весь от воды, да похрустывает. Красивый! Глаз не оторвать. Переливается, как радуга, и сразу видно – не пакет и не занавеска.

Девочка pokrутила его в руках, на свет посмотрела и тут вдруг поняла, что то, что сзади у нее налипло, не целиком

оторвалось. Она шею вывернула и смотрит назад, видит, там такое же что-то переливается. Кое-как рукой его подцепила и тянет. А оно тянется! Тянула девочка, тянула, да больно так тянуть, представляете, не просто же так, а из собственной спины! Тянет она, а сама думает: «Ой, а вдруг это я собственные внутренности наружу вытягиваю! Мамочки! Как же это я дырку в спине насквозь мочалкой протёрла, а теперь, дура, свои же кишки из неё вытягиваю!»

И только она в ужасе решила прекратить тянуть, как целлофан сам перестал тянуться и даже больно дернул, как бы закончился. «Ну, все, – подумала девочка, – приплыли. Это наверно желудок с той стороны в дырку не протягивается, потому что набит макаронами». Сидит она в ванне, мокрая вся, в целлофане по самые уши и слышит, как сердце её колотится внутри и леденеет. И даже под ложечкой засосало, а желудок занял тоже пренеприятно. Сидит она и соображает медленно-медленно, что если желудок занял, да ещё и на своем месте, то, может быть, это не он вытянулся?

А ещё она себе под ноги смотрит, ну в ванну, и видит, что крови там нет! Резонно предположить, что вытягивание кишок через спину сопровождается потоками красной крови, как в дешевом боевике, картинно стекающей по белым стенкам ванны. А тут – ничего, только оторванный кусок целлофана валяется, да из душа вода течет. Вода кусок целлофана совсем близко к воронке подтянула и хлоп – засосало его в канализацию. Девочка ещё с полминуты понаблюдала, как

переливающиеся краешки его медленно исчезают в черной дыре, а потом подумала, задним числом, разумеется, что надо было бы поймать да вытащить.

Но уж не до целлофана! Смотрит девочка, а у нее по плечам, по спине такой же целлофан болтается, да ещё и к кафелю на стенке прилип. И весь в прожилочках и весь переливается. Она его осторожно рукой отлепила, руку наверх подняла, целлофан растянулся и даже потянул кожу на спине. Теперь девочка точно убедилась, что эта штука к её спине намертво приделана, как будто третья рука там или волосы. И оторвать её так просто, без боли, не получится. Да ещё и тяжелая штука, мокрая, липнет ко всему.

Девочка, чуть не плача, вылезла из ванной, вышла голая в коридор, подошла к зеркалу. Дома-то даже никого не было, чтобы спросить, на что это похоже со спины. Кое-как удалось разглядеть, что висят сзади две мокрые тряпки, да две огромные лужи воды с них на пол натекли.

Взялась девочка за голову, заплакала, да ничего не поделаешь. Холодно стало, все же мокрая после душа, закуталась она в полотенце, и не знает, что дальше делать. Решила подождать пока кто-нибудь домой придет, не в скорую же звонить? Вроде бы не болит, желудок на месте, от страха очень даже прекрасно чувствуется. Позвонишь в скорую, скажешь, что сзади что-то странное вдруг из спины вытянулось, такие тряпки, так точно приедут, только не простые врачи, а санитары из психбольницы.

Ну что тут поделаешь? Села девочка на край ванны, тряпки в ванну перекинула, чтобы вода с них на пол не текла и пригорюнилась. Потом взяла фен и стала волосы сушить. Сушила-сушила, потом решила и тряпки посушить, заодно, хоть посмотреть, что они в сухом виде из себя представляют. А тряпки всё легче и легче становятся, будто бы расправляются, и по спине мурашки бегают приятные. В общем, подошла девочка к зеркалу и обомлела: увидела она, наконец, что это два крыла у неё за спиной, расправились и окружают её сияющим ореолом.

Не скажу, чтобы девочка обрадовалась сильно, да и чему тут радоваться? «Мамочки, – подумала она, – это ж как я их под одежду заправлять буду? Или дырки придётся делать, в одежде? А как я на улицу в таком виде выйду?»

Она и шевелить крыльями попробовала, но оказалось, что шевелить ими не получается, по крайней мере, не как птице или бабочке. Можно, конечно, заставить их колыхаться из стороны в сторону, если плечами подергать, а вот так чтобы – взмахнул крылом и взмыл ввысь! – не получается.

Схватила девочка телефон беспомощно и стала звонить подруге.

– Люся! – кричит она в трубку, – представляешь! У меня крылья выросли!

– Ну и как его зовут?

– Кого – его?

– Ну, парня этого, – с ленцой отвечает Люся.

– Какого ещё парня? Они настоящие, представляешь! Я не знаю чего теперь с этим делать! У меня такого никогда в жизни не было!

– Да ладно, это пройдет, забей.

– А что мне сейчас с этим делать-то?

– Кто-нибудь в курсе?

– Нет! Тебе первой рассказываю!

– Ну и не говори никому, а то ему расскажут, зазнается ещё, пусть сам первый шаг делает.

– Но Люся, это такие странные ощущения! От них мурашки по спине бегут и вообще, состояние то ли пустоты, то ли наполненности!

– Ой, ну ты прям как маленькая. Вообще я бы тебе посоветовала поменьше уделять ему внимания, они любят недоступных.

– Это как же?

– А никак. Делай вид, что ничего не произошло.

– Но ведь они очень заметные! Их что, под одежду прятать?

– Конечно, надо прятать. Ты думаешь, если ты, как дура влюбленная, с такой физиономией ходить будешь, окружающие ничего не заметят?

– Но я не могу их спрятать!

– А ты смоги.

– Они же сомнутся!

– А ты хочешь, чтобы он тебя под себя подмял? Ну, ты

даешь, подруга...

– Значит прятать?

– Прячь.

Повесила девочка трубку, а тут пришла старшая сестра. Сестра, конечно, в дверях слегка удивилась, но виду не подала, стала только тщательно ноги о коврик вытирать, да кинула так невзначай, как бы между делом:

– Что это ты вся сияешь?

Тут девочка не выдержала и разрыдалась. Она рассказала сестре, что вот эту штуку у себя из спины вытащила, а что это такое и чего с ней делать – ума не приложит. Сестра аккуратно сняла пальто, повесила его на вешалку, надела тапочки, посмотрелась в зеркало и сказала:

– Ну, показывай, что там у тебя.

С минуту она разглядывала голую спину девочки, а потом сказала:

– Крылья. Чем ты их так крепко приклеила?

Девочка ещё раз стала рассказывать сквозь слезы, что думала, что это целлофан, а потом вот вытянула, феном их высушила, и теперь они стоят колом, и даже под одежду их не спрячешь.

– Это ты на карнавал, что ли? – поинтересовалась сестра, а потом добавила: – Ой! А ты видела, что у тебя кусок крыла отломился?

– Да это я его случайно сама в ванной оторвала.

– Руки-то у тебя ясно откуда растут. А теперь некрасиво.

- Большой кусок? – встревоженно спросила девочка
- Приличный.
- Очень заметно?
- На мой взгляд, совсем некрасиво.
- Что же делать?
- Снимай, что делать, похожа на чёрт-знает-кого!

В ужасе девочка ушла в свою комнату и стала крылья в зеркало разглядывать. Действительно, одно крыло было по неосторожности обломано сверху, не то чтобы сильно, но заметно. Села девочка на кровать и горько заплакала. Мало того, что крылья под одежду не спрячешь, так теперь ещё и с крыльями не походишь, раз они обломаны.

И, как назло, в тот день нужно ей было выйти на улицу, чтобы сходить по неотложным делам. Собрала она всю волю в кулак, да железной рукой крылья согнула. Согнула и кое-как под одежду заправила. Крылья-то легкие, но пружинят хорошо, не просто их сложить.

В общем, промучилась она с ними целый час, но все-таки с горем пополам спрятала. Спрятала и вышла на улицу. Не легко это с крыльями ходить под одеждой и осознавать каждую секунду, что они там есть!

Ходила девочка по своим делам, ходила, и понадобилось ей в метро спуститься. В метро народу! Села она на лавочку, ждёт поезд. И тут вдруг подсаживается к ней такой старичок, сразу видно не городской. За плечами рюкзак у него старенький, с ремешками и застежками, на ногах сапоги резиновые,

грязью по подошве измазанные, а в сапоги штаны старомодные заправлены. Посмотрела девочка на его руки и увидела, что они темные, жилки на них пульсируют, а ногти чистые и аккуратные. Старичок своей ладонью пот с лица отирает, да посмеивается. Смотрит на людей окружающих, да что-то там себе думает. А тут вдруг повернулся и посмотрел на нашу девочку в упор. Ну, вообще-то не принято у нас так прямо на незнакомых людей глядеть, долго так, да пронзительно. Девочка, конечно, и смутилась, но улыбнулась старичку из вежливости.

Тут вдруг зачесалась у нее спина. Надо думать, крылья же не из шелка сделаны, как-никак жесткие, вот и чешется всё. Хорошо ещё не аллергия, не красные пятнышки по всей коже! Представьте себе аллергию на собственные крылья!

А одно крыло загнулось как-то неудобно, в кожу впилось краешком и зудит постоянно. И кажется девочке, что теперь у неё вообще всё тело чесаться стало. Сидит она на лавочке и то руку почешет, то лоб, то затылок, то лопатками поводит, чтобы крыло поудобнее улеглось. А тут ещё старичок рядом сидит и то и дело на девочку поглядывает.

Чесалась она, чесалась и тут вдруг увидела, что из-под одежды у неё кусок крыла торчит. Да ладно бы просто торчал, ещё переливается всеми красками радуги, прожилочками поблёскивает. Девочка судорожно одежду вниз потянула, да крыло постаралась умять или хотя бы в джинсы заправить.

А старичок вдруг это заметил и говорит:

– Что это там у тебя такое блестящее?

– Да так! – испуганно отвечает девочка.

– Я вот живу в лесу, – продолжает старичок, – а за домом у меня лесное озеро. И вот выйдешь бывало, а над ним жучки всякие летают, стрекозы... Знаешь стрекоз?

– Кто же их не знает.

– И у стрекоз вот точь-в-точь также крылья переливаются. Стрекоза бывало на палец сядет, лапками его цепкими обхватит и тарашится на тебя глазищами, а у самой челюсти шевелятся, того и гляди укусит.

– Разве они кусаются?

– Да нет! Но уж такие красивые. И крылья у них блестят совсем как у тебя, – сказал старичок и внимательно посмотрел на девочку.

«Догадался!» – мелькнуло у девочки в голове, и она в ужасе с утроенной силой задергала плечами и зачесала локоть.

– Чешется? – спросил старичок и, увидев испуганный кивок, добавил: – Давно это у тебя?

– Сегодня выросли, – прошептала она.

– Выросли?

– Да, выросли крылья, из спины вытянулись.

– И что же ты делаешь?

– Под одежду спрятала, – ещё тише отвечает девочка и ещё яростнее плечом дёргает.

– Прятать нужно аккуратно, с осторожностью, чтобы не повредить и не смять.

«Да-да, – промелькнуло в голове у девочки, – может ещё в отдельный пластиковый пакет их упаковывать или на вешалку развешивать?»»

А старичок к ней склонился поближе, так близко, что девочка уловила помимо обычных стариковских запахов ещё один запах, дыма и влажного мха.

– Конечно, не всем их нужно показывать, но тем, кому нужно, показывай обязательно.

«Разумеется, – комментирует про себя девочка, – и ещё деньги за просмотр посоветуй мне брать, как на ярмарке»»

– Но главное, их нужно тренировать. В них же тоже своего рода мышцы, сейчас ты летать не можешь, потому что они нетренированные, а вот если будешь упражняться ежедневно, да силу их возвращать, так научишься летать в один прекрасный день.

«Ха-ха-ха, а гантели для крыльев в магазине спорттоваров продаются? – с усмешкой подумала девочка и потом ещё добавила про себя: – Есть же на свете такие вредные старикашки, вечно лезут со своими глупыми советами. Лучше бы посоветовал, как эту штуку от спины отдрать». Подумала она так и стала пристально свою обувь разглядывать, что там такое налипло. Тут поезд подошел и старичок, улыбаясь, встал с лавочки, а девочка тоже встала. Она хотела уж было шмыгнуть в другую дверь, но старичок придержал её за рукав и сказал последнее:

– Крылья – большая ответственность. Не легко это.

Девочка закивала, как будто бы все поняла, вошла в другой вагон и поехала дальше по делам, проклиная эти несчастные крылья.

А старичок между тем поехал на вокзал и сел в электричку. А до этого он зашел в аптеку и купил там кислоту аскорбиновую, ну такие белые большие таблетки, которые во рту тают и оставляют приятную прохладу.

Ехал старичок на электричке, ехал и заехал в такую глухомань, что один только он на перроне и сошел. Потом сел в автобус пыльный, а после пешком ещё шел часа два и забрел в самый что ни на есть дремучий лес. Идет он, прислушивается, ветки отодвигает, тихонько так пробирается сквозь заросли. Слышит, кто-то на дудочке играет или на другом каком инструменте свистит. Улыбнулся старичок: значит, почти пришёл.

И выходит он тут на поляну. Поляна вся солнечным светом залита, травинки на ней растут, цветочки розовые да желтые, растут и на ветру колышутся. Посреди поляны стоит избушка, а за избушкой лесное озеро поблескивает. На крыльчке сидит мальчик маленький, да на дудочке себе насвистывает. Дудочка такая простая, пластмассовая, с паровозиком: дунешь, паровоз по кругу едет.

– Вот тебе, – говорит дедушка, да мальчику конфету из аптеки протягивает.

Мальчик говорит:

– Представляешь дедушка, у нашей ящерицы хвост новый

отрастает, я сегодня видел.

– А я сегодня в городе видел девочку с крыльями! – отвечает ему старичок.

– С крыльями?! – удивляется мальчик.

– Да-да, с блестящими крыльями.

– А эта девочка летать умеет?

– Нет, не научилась ещё, да я сказал ей, чтобы училась.

– А она научится?

– Не знаю.

– Дедушка! Что же ты эту девочку с собой не взял? Она бы помогала тебе лес сторожить!

Дедушка мудро улыбнулся и покачал головой:

– Нет, внучек, людей с крыльями куда больше, чем людей умеющих летать.

Мальчик помолчал, развернул конфету и спросил:

– Дедушка, а у этой девочки такие же крылья как у тебя?

Дедушка ничего не ответил, а только подмигнул.

Вечером, стоя на лесной поляне, дедушка расправил свои крылья. Он стоял босиком на мокрой траве, почти голый, да махал руками для разогрева. Мышцы так и ходили, поднимая его волосатую грудь, а за спиной переливались всеми цветами радуги великолепные крылья! Дедушка подергал себя за большую седоватую бороду и, разбежавшись, взлетел в воздух, сильными ударами крыльев поднимая свое крепкое тело. Он сделал несколько уверенных кругов над поляной, покачиваясь из стороны в сторону, как громоздкая бабочка,

а потом, поднимаясь всё выше и выше над лесом, над озером, улетел на запад провожать огненно-красное садящееся солнце.

А что же девочка, спросите вы?

На следующее утро, девочка проснулась ужасно недовольная. Не покрутишься себе в постели, на спине не поспишь. Да и шутка ли, когда за спиной постоянно жесткий целлофан выступает.

Потом посидела угрюмо на краешке кровати, размышляя, что делать с крыльями. «Интересно, – подумалось ей, – что это там старичок про тренировку крыльев говорил? Надо попробовать». И ведь попробовала.

Встав посреди комнаты, девочка напряглась, но почему-то не тем местом, а головой, отчего лицо её сжалось как сморщенная картофелина и покраснело как помидор. Крылья не желали шевелиться. Тогда она попробовала поднимать плечи вверх-вниз, отчего, конечно, крылья заходили ходунком и задели вазу на полке, которая с грохотом упала на пол и разбилась. Девочка аж взвыла от злости. Ей начисто расхотелось продолжать упражнения с крыльями. Она неловко наклонилась, собирая осколки, боясь задеть широкими крыльями ещё что-то. Одно крыло зацепилось за занавеску и согнулось под тяжестью ткани. Девочка повернулась, чтобы его отцепить и другим крылом заехала по шкафу, отчего крыло сильно загнулось и больно дернуло в спине.

«Чертовы крылья! – воскликнула девочка. – Не развер-

нуться с ними, не подвигаться! Как слон в посудной лавке!»

А поскольку девочке надо было собираться в школу, она решила упаковать крылья, да поаккуратнее, как говорил старичок. Но одно дело решить, а другое – сделать. Упаковать-то упаковала, а вот насчет «поаккуратнее» ли, это сомнительно.

Свернула она крылья, как листы ватмана, в трубочки, да резинку на них надела, чтобы не разворачивались. Но с такими трубами ведь не походишь, верно? Да и над головой они торчат, как труба у паровоза. Легла девочка на спину, крылья своим весом прижала и они сплющились. Потом она их аккуратно сверху загнула, сложила вдвойне и привязала к телу веревкой, чтобы не развязывались. И, представляете, совсем их под одеждой не стало видно.

Так продолжала девочка жить со своими крыльями.

После школы пошла в университет, потом на работу устроилась. Потом из девочки превратилась в тётеньку. Привыкла она уже по утрам аккуратно свои крылья под лямки лифчика укладывать. Теперь они легко сгибались по давно уже затёртым сгибам, как старая, замусоленная бумажка. Да и стали они тоненькими, слабыми, в общем, совсем не мешали жить. Живут же люди с бородавкой на спине или со шрамом на попе, вот и она так же жила. Только с крыльями.

Зато соседи о ней ничего дурного не говорили, и подружка Люся иногда приходила в гости на чай с пирожными.

Варжаб

Жила на свете одна девочка. Однажды она пила чай в гостях у подружки и увидела, как подружкина бабушка кипит на плите молоко. Девочка очень удивилась, потому что никогда в жизни этого не видела. Удивилась она тогда, когда вдруг крышка заходила ходуном, поднялась, и молоко побежало из кастрюли. Бабушка, которая разминала картошку для пюре, ловко подскочила к плите, выключила газ и принялась энергично дуть, загоняя молоко обратно.

Девочка даже чай перестала пить и уставилась на молоко.

– Ты что, молока никогда не видела? – ласково спросила бабушка.

– Нет, никогда не видела.

– Да ладно! – воскликнула подружка.

– Правда, не видела. У нас дома его никогда не бывает.

– Ну, чудеса! – сказала бабушка. – Семьдесят лет на свете живу, никогда с таким не сталкивалась.

Девочка же заглянула в кастрюльку и увидела, что на молоке образовалась пенка. Это её тоже очень удивило.

– А что это сверху за плёночка?

– Это пенка. Дай-ка, я её сниму, да налью тебе молока, раз такое дело.

– А зачем её снимать?

– Ой, что ты, пенка же такая невкусная, её никто не любит.

– Нет, не снимайте, пожалуйста, я её тоже хочу попробовать.

Выпила девочка стакан молока, потом съела пенку и тут вдруг поняла, что ничего вкуснее в своей жизни она не пробовала. Само молоко-то так себе, но вот пенка! Она показала ей такой нежной, такой ароматной и приятной на вкус, что девочка сразу её полюбила.

По дороге домой девочка зашла в магазин и купила себе пакет молока. Она вскипятила его на плите, подождала, пока образуется пенка, и с наслаждением её съела.

За этим занятием её застала мама, вернувшись с работы. Мама увидела открытый пакет молока на столе и побелела, как мел.

– Ты что, пила его? – спросила она в ужасе.

– Пила, – ответила девочка и испугалась.

– Никогда! Никогда больше не пей!

– Мамочка, что ты такое говоришь?!

Но мать не слушала её. Она схватила пакет, вылила остатки молока в раковину, а картонку швырнула в мусорное ведро. Потом она подбежала к дочери, схватила её за плечи и стала пристально смотреть в глаза.

– Я не шучу. Больше никогда не пей молоко! – наконец сказала она угрожающе.

– Но мне оно нравится!

– Мало ли что тебе нравится! Слушай, что я тебе говорю!

– Да ты глупости говоришь какие-то! Я хочу пить и буду!

– Нет, не будешь! Не будешь! А если будешь пить, добром это не кончится, глупая девчонка.

– Но мама! – крикнула девочка и разрыдалась. Она рыдала и рыдала, у неё началась настоящая истерика. Мать бегала по кухне и проклинала подружку бабушку, которая налила её дочке молока. Она кричала:

– Ешь всё! Бананы, сосиски, конфеты! Тебе что, мало? Ешь всё, кроме молока!

Девочка так неистово плакала, что к вечеру у неё поднялась температура, и заболела голова. Мать ужасно испугалась и сразу поменяла свою тактику. Она была добра, заботлива, клала на лоб холодные компрессы, поила девочку какими-то лекарствами, прижимала её к сердцу, и, не переставая, умоляла больше не пить молоко.

На следующий день, девочка проснулась совершенно здоровой. Дома не было и следа от вчерашнего молока, мусор из ведра был выкинут, даже молочного пакета не осталось.

Однажды в школьной столовой, где каждый день завтракала девочка, давали молоко.

Девочка, конечно, надолго запомнила скандал с мамой и никогда больше не покупала себе то, что ей запретили. А тут вдруг, пожалуйста. Стоят стаканы на подносе, простые столовские стаканы с отколотыми краями. А в них налита белая жидкость, и в каждом плавает молочная пенка. Не долго думая, девочка взяла себе стакан и уселась за столик с подружками.

Она съела свою пенку и убедилась ещё раз, что это самое вкусное, что она когда-либо ела. Потом она попросила пенки у подружек, подцепила их вилкой из стакана и тоже съела.

Одна девица, сидевшая за соседним столиком и громко рассказывающая что-то, увидела это и демонстративно закричала:

– Фу! Как она может есть пенку! Это же редкостная дрянь!

Девочка покраснела, посмотрев на наглую девицу. Ей очень нравилась пенка, и она решила просто не обращать внимания.

Дома девочка вдруг почувствовала недомогание. У неё заболела голова, совсем как после скандала с мамой. Девочка прилегла на диван и тут заметила ещё, что у неё на груди появилась красная сыпь.

Вечером пришла мама. Она поставила девочке градусник, и оказалось, что есть температура.

– Что ты ела? – спросила мама.

– Гречневую кашу в школе, – ответила девочка.

– И всё?

– И всё.

– Ты не пила молоко?

– Нет, не пила.

Мама дала девочке какую-то таблетку и уложила её спать, сказав, что если так будет продолжаться, придется вызвать врача. Но на следующее утро у девочки опять ничего не было, сыпь исчезла, голова перестала болеть и температура упала.

ла.

Девочка поняла, что это её недомогание как-то связано с молоком. Она должна была убедиться, что это так, и поэтому ради эксперимента тайком купила молоко, вскипятила его, вздрагивая каждый раз от всякого шороха, потому что боялась, что мама придет с работы раньше времени. Когда на остывающем молоке появилась пенка, девочка подцепила её и с жадностью съела. Нет, никогда, никогда в жизни она не ела ничего столь вкусного! Потом она быстренько допила молоко, выкинула пакет, засунув его на самое дно мусорного мешка, и принялась отмывать кастрюлю.

Час или два ничего не случилось. Пришла мама, они сели ужинать, и тут вдруг девочка почувствовала, что у нее начинает сильно-сильно болеть голова.

– Что-то ты красная вся, – сказала мама, – сыпь-то вчерашняя прошла?

Она заглянула девочке за воротник и вскрикнула, потому что сыпь, которой не было утром, теперь снова появилась и была ярко-красной.

– Голова болит?

– Нет, совсем не болит.

– Дай-ка лоб потрогаю.

Мама потрогала её лоб и поняла, что опять поднялась температура. Мать опять спросила, что ела девочка, но та стала уверять, что совсем не пила молока и ничего подобного не ела.

– Послушай меня внимательно, – сказала мама, – я не шутила. У меня в детстве была аллергия на молоко. Это очень опасно, если ты будешь пить молоко, то можешь умереть, задохнуться. Аллергия эта наследственная. У нас в доме никогда не бывает молока, потому что у тебя она тоже может начаться. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, поэтому обещаю тебе не пить молоко!

– Обещаю, – сказала девочка, а сама подумала: «Ну и что! Аллергия была у мамы, а у меня, её, может быть, и не будет!»

На следующий день, как и раньше, все симптомы прошли.

С тех пор девочка опять перестала тайно покупать себе молоко, хотя ей и очень хотелось. Но тут история приняла неожиданный поворот.

Через какое-то время девочка поехала к подружке на дачу. Эта была та самая подружка, бабушка которой дала девочке в первый раз молоко.

В деревне на свежем воздухе девочка чувствовала себя прекрасно. Они ходили с подружкой в лес, гуляли вдоль речки и по полю. Девочка видела коров и подружка рассказала, что это они дают молоко. Девочка погладила большую добрую корову и рассказала подружке, что с ней случается, когда она пьет молоко.

– Знаешь что? – сказала подружка. – Это потому, что в городе очень плохое молоко, порошковое. А здесь, в деревне, молоко натуральное и полезное. Так говорит бабушка. Попробуй-ка ты здешнее молоко, и посмотрим, что будет.

Вечером бабушка согрела им молока, и девочка съела столько пенек, сколько смогла. Она ела и ела и никак не могла остановиться, потому что пенки с деревенского молока действительно куда вкуснее, чем с городского. Девочка и думать позабыла про аллергию, потому что поверила подружке про натуральное молоко. Это было божественно! Каждую секунду девочка радовалась, ощущая вкус пенки.

А ночью девочке стало так плохо, что она с трудом встала, разбудила подружку с бабушкой и все бабушке рассказала. Бабушка очень испугалась, потому что поняла, что у девочки страшнейшая аллергия на молоко. А поскольку они были в деревне, и врача поблизости не было, да и таблеток не было никаких, помочь она никак не могла.

Девочке же становилось все хуже и хуже. Красная сыпь покрыла её с головы до ног, а температура была под сорок. Бабушка в панике бегала по деревне, просила, чтобы хоть кто-нибудь довез девочку до больницы. Но деревня была маленькая, далеко от города, машины ни у кого не было.

В той деревне, к счастью, жила старушка-целительница. Она пришла, принесла с собой какое-то снадобье и дала его девочке. Лекарство это помогло, и на следующее утро девочка проснулась совершенно здоровой.

Таким образом, девочка больше не могла продолжать есть пенки. Бабушка подружки рассказала всё её маме, мама предупредила учительницу в школе, в общем, об аллергии узнали все. Девочка торжественно пообещала маме никогда

больше не притрагиваться к пенкам, и та успокоилась.

Но не успокоилась девочка. Она повзрослела, пошла в одиннадцатый класс, стала более или менее самостоятельной. Однако постоянные вкусовые фантазии мучили её. Она так сильно хотела попробовать пенку ещё хоть разок, что не могла найти себе места, когда видела в магазине пакеты с молоком. Она срывалась в истерики, плакала, но боялась. Это дошло до того, что девочка твердо решила найти средство и избавиться от этой аллергии.

Тут-то она и вспомнила о целительнице из деревни и поехала к ней в надежде на помощь.

Целительница, к счастью, ещё была жива и жила на самом краю деревни, в старом деревянном доме с сараем, в котором она сушила свои травы.

– Ага! – сказала старуха, когда девочка зашла и поздоровалась. – Я знала, что ты придешь.

– Вы меня помните? – удивилась девочка, потому что с момента их встречи прошло уже восемь лет.

– Провалами в памяти не страдаю, – ответила целительница и принялась мешать какой-то отвар на плите.

– Вы помните про мою аллергию? Я пришла в надежде, что вы знаете лекарство!

– Да. Я знаю лекарство, которое ты ищешь.

– Правда? Правда?! Скорее же, расскажите мне о нём!!!

– Нет, я тебе о нём ничего не скажу.

– Но почему? – в ужасе воскликнула девочка.

– Потому, что ты всё равно не сможешь его использовать.

– Как же так?!

– А вот так. Это лекарство не для слабонервных. К тому же, оно даёт кое-какой побочный эффект. Ты не сможешь.

– Смогу! Смогу! Правда!

Старуха только скептически улыбнулась. Девочка принялась умолять её рассказать о лекарстве и так долго и слезно просила, что, наконец, старуха вздохнула и сказала:

– Ну, хорошо. Только учти! Это потребует от тебя железных нервов и небольшой, но неприятной жертвы.

Девочка была согласна на всё. Теперь, когда она нашла лекарство, отступать уже было нельзя.

Целительница сказала, что девочка должна остаться у неё до ближайшего полнолуния. Она должна помогать собирать травы и делать целебные отвары, кроме того, выполнять всю работу по дому и делать всё, что ей будет сказано. Это была своего рода плата за помощь.

Две недели провела девочка в деревне у целительницы. Она вставала с рассветом и сразу же, ещё по росе, они уходили в лес. Там они собирали растения и грибы, кусочки коры и корни. Старушка кое-чему научила девочку. Она ежедневно спрашивала, не передумала ли девочка, но та была решительно настроена.

Днем девочка убирала в доме, они обедали, делали разные хозяйственные дела и снова уходили: в поля, на дальние озе-

ра и болота. Иногда к ним приходили больные люди, и тогда девочка помогала целительнице лечить их.

Наконец настал день полнолуния. С утра старуха послала девочку за свежим коровьим молоком к соседке. Девочка обрадовалась, что скоро отведаст пенки, и взяла три литра молока в стеклянной банке.

Поздно вечером старуха приказала девочке собираться, надевать резиновые сапоги и брать с собой корзину. Они вышли из дома, и пошли в лес.

Было темным-темно, только полная круглая луна освещала окрестности, но когда наши путницы вошли в чащу, она скрылась за деревьями. Старуха, как кошка, уверенно шла в темноте.

Наконец они пришли на одно болото. Девочка знала его, потому что они были здесь уже несколько раз.

– Ну вот, – сказала старуха, – а теперь, поползай-ка ты по воде на коленях, да поймай несколько жаб. Сложи их в корзинку, и поспешим домой.

Девочка послушно опустилась на колени. Она испугалась, но виду не подала. Жаб поймать было не так-то просто, тем более в темноте. Ползая по мокрому мху, вся грязная, замерзшая, перепуганная, девочка шарила вокруг себя руками. Ей попадались разные травинки, палки, шишки, сухие листья, но как ты поймаешь жабу, ведь она живая и прыгает!

Старуха куда-то пропала, по крайней мере, оглядываясь, девочка не могла разглядеть её. Она была уже готова сесть

и заплакать, отказаться от лекарства, но тут вдруг нащупала какой-то пенёк. Она обследовала его рукой и поняла, что под пеньком есть норка. Запустив туда руку, девочка вскрикнула от ужаса, потому что наткнулась на что-то живое, скользкое и холодное. Это была толстая старая жаба.

Схватив, девочка быстро кинула её в пластмассовое ведро из-под майонеза, которое взяла с собой, и закрыла крышкой.

Она позвала старушку. Эхо разнесло её голос по всему болотцу. Несколько секунд стояла тишина, но потом старуха откликнулась:

– Не кричи! Я тут, в кустах, собираю траву.

– Я нашла жабу! Пойдемте быстрее домой!

– Сколько ты нашла жаб?

– Одну! Большую и мерзкую!

– Нужно как минимум две! Так что продолжай поиски! –

откликнулась целительница, и девочке пришлось повиноваться. Вторую жабу она нашла быстрее, чем первую, потому что уже знала принцип. Она искала деревца, пеньки, обследовала их, в поисках нор и гнезд среди корней, и вскоре нашла ещё одну скользкую жабу.

Так в её пластмассовом ведре оказалось две жабы. Они противно шмякались о крышку, видимо, пытаясь выпрыгнуть. Вскоре появилась старуха с охапкой трав на длинных стеблях. Она послушала, как жабы хлюпают в ведре, и повела девочку обратно в деревню.

Дома она подвесила заготовленную траву в сарае и обратилась к девочке:

– Теперь у тебя есть жабы. Вымой их тщательно колодезной водой.

Девочка налила воды в тазик и выкинула туда жаб из ведерка. Они, вероятно обессиленные попытками выбраться, вели себя спокойно, и с этим заданием девочка справилась относительно легко.

– Отлично, – сказала старуха, – теперь возьми молоко и посади в него жаб.

– А... – сказала девочка, но вспомнила, что давно в деревнях сажали лягушку в молоко, чтобы оно не скисло, а значит, ничего опасного в этом не было.

– Жаба вытянет из молока те вещества, которые вызывают у тебя аллергию. Кроме того, она обогатит его кое-какими другими веществами. Вот увидишь, пенка с такого молока будет необычайно вкусной. Жаба, пойманная в полнолуние, действует наиболее эффективно. Пускай они находятся там не менее суток. Потом я скажу, что тебе делать дальше.

– Разве придется делать ещё что-то? – спросила девочка, решившая, что на этом её мучения закончились.

– Ха-ха-ха, – мрачно засмеялась старуха, – если бы это было всё, милая, ты бы легко отделалась. Завтра вечером ты будешь есть самую вкусную пенку на свете.

Девочка ушла спать в смятении. Она предвкушала завтрашний вечер и одновременно его боялась. Впрочем, жабы

стали казаться ей безобидными, и она уговорила себя не бояться.

Весь следующий день она время от времени подходила к молоку и смотрела, как жабы барахтаются в нем. Ей стало их жалко, ведь они даже не доставали лапками до дна, а значит, должно быть, устали, но она гнала прочь эти мысли.

Настал вечер. Старуха пила чай за столом.

– Теперь самое время вскипятить молоко и сделать пенку, – сказала она, наконец. – Бери большую кастрюлю и выливай в него молоко из банки.

Девочка зажгла газ (у старухи в деревне была газовая плита с баллонами), достала кастрюлю и перелила в неё молоко. Жабы остались сидеть в банке. Они испуганно тарасились на девочку через белое от стекающего молока стекло.

– Жаб тоже кидай в кастрюлю, – сказала старуха.

– Что вы сказали? – переспросила девочка, леденя.

– Что-что! Кидай жаб в молоко, закрывай кастрюлю крышкой и делай огонь побольше!

– Но ведь они сварятся вживую!

– А ты как хотела? – спросила старуха и мрачно сверкнула глазами в сторону девочки. – Надо чтобы кто-то принес жертву. Либо ты умрешь от своей аллергии, выпив молоко, либо они умрут. Ты же насладишься пенкой и останешься живой и невредимой.

Девочка стояла в растерянности. Она очень испугалась такому повороту событий и не хотела продолжать.

– Я же говорила тебе, – презрительно сказала старуха, – ты не справишься...

– Но я... – сказала девочка, на глазах у неё появились слезы.

– Ну что, ты! Выливай молоко, да выпускай жаб, они нам не пригодились. Теперь ты свободна, можешь собирать вещи и завтра же возвращайся в город.

Девочка заплакала, а старуха подошла к плите и хотела уж было выключить газ под кастрюлей, но девочка сказала:

– Не выключайте...

Она взяла жаб в банке и вытряхнула одну за другой в кастрюлю, плотно закрыв её крышкой.

– Вот так-то лучше, – сказала старуха, – теперь жди, пока молоко не начнет убежать.

Девочка опустилась на стул и громко-громко зарыдала. Она положила руки на стол, уткнулась в них головой и плакала, пока не кончились силы. Жабы в кастрюле забились, запрыгали, пытаясь скинуть крышку. Им это удалось, и крышка отлетела в сторону.

– Скорее! – крикнула старуха. – Держи крышку руками, а то они убегут!

Девочке пришлось схватить крышку и держать её руками, плотно прижимая к кастрюле. Она слышала, как неистово квакали жабы и колотились о железные стенки. Вскоре крышка нагрелась, молоко начало закипать и жабы стихли. Девочка продолжала держать крышку, обжигая руки,

но не замечая этого. Молоко закипело и полезло из кастрюли, заливая огонь. Девочка выключила газ и тихо опустилась на стул, оставив крышку.

– Ну, все, поздно уже плакать! – сердито прикрикнула на нее старуха. – Дело-то сделано! Теперь подождем немного, пока молоко остынет. Ты же тем временем снимай с себя одежду и раздевайся догола.

Не спрашивая зачем, девочка, как во сне, принялась стаскивать с себя джинсы. Старуха вышла из комнаты, оставив её одну, и девочка сняла с себя всё, включая нижнее бельё. Она уже ничему не сопротивлялась.

Вернулась старуха, держа в руках две верёвки. Она сказала:

– Теперь надо взять вилку и выловить ею жаб. Постой! – повысила она голос, когда девочка пошла за вилкой. – Это ещё не всё! Ты должна выловить одну жабу, и мы привяжем её к твоему телу вот этой веревкой. Жаба оставит на твоём теле ожог, который потом впоследствии покроется бородавками. Это неприятно, но это обязательное условие. Поэтому надо выбрать место так, чтобы оно было как можно более незаметным, поняла?

– Поняла, – ответила девочка.

– Решай, ты ещё можешь отказаться и навсегда забыть про пенку. Но мне кажется, что теперь уже слишком поздно.

– Почему вы мне раньше не рассказали об этом? – грустно спросила девочка.

– Потому! – ответила старуха и замолчала.

– Самое незаметное место на теле – ступня, – стала размышлять девочка с несвойственным ей хладнокровием, – но если ожог будет на ступне, я не смогу ходить. Ещё можно привязать к внутренней стороне бедра, но если там будут бородавки, ни один мужчина не захочет любить меня. Тогда можно привязать подмышкой. Там будет лучше всего.

– Я тоже так думаю, – сказала старуха и протянула девочке вилку.

Девочка сняла крышку и отшатнулась: в молоке плавали две сварившиеся жабы. Она прикрыла глаза и наколола одну из них на вилку. Жаба была как старая резина. Девочка стряхнула капли молока с жабы, стараясь не смотреть на неё.

– Прижимай её на вилке к подмышке, а я привяжу веревкой.

– Может, подождать пока она остынет?

– Нет, – сказала старуха, – ждать нельзя, иначе вместе с теплом пропадет её целебная сила.

Девочка набрала побольше воздуха в легкие, зажмурилась и приложила горячую жабу к коже. Ей было очень горячо, она стиснула зубы, но терпела. Старуха ловко обмотала тело девочки верёвкой и закрепила жабу.

– Готово, – сказала она.

– Теперь я буду здорова? – спросила девочка.

Старуха засмеялась.

– Теперь ты будешь не только здорова! Ну-ка, живо! –

и тут старуха мгновенно скинула с себя одежду и подняла руку. Девочка в недоумении посмотрела на обвислую сморщенную старушечью грудь с темными сосками. Старуха прикрикнула на неё:

– Ну, что ты стоишь, как истукан! Бери вторую жабу и привязывай её мне подмышку.

– Разве у вас тоже аллергия? – спросила девочка.

– Быстрее-быстрее, пока она не остыла.

– Но зачем?

– Затем! – зло ответила старуха и даже затряслась.

Девочка наколола вторую жабу на вилку и приложила к старухиной подмышке. Тут вдруг она подумала, не без злорадства, что у старухи тоже останется ожог и бородавки. Ну и поделом ей!

Девочка кое-как обмотала старуху веревкой, закрепляя жабу. Наконец дело было сделано, и они обе, с вареными жабами подмышками, абсолютно голые, остались стоять посреди избы.

– Отлично! – засмеялась старуха. – Теперь можно пить молоко и есть пенки. Я буду читать специальное заклинание, а ты разливай молоко по стаканам. Без заклинания ничего не подействует, – строго добавила она и принялась нашептывать что-то себе под нос.

Девочка взяла два стакана и налила молоко. Она думала, что оно будет вонять жабами, но оказалось, что молоко пахло как обычно. Разве что приобрело едва уловимый запах

болотных трав.

Усевшись за стол, они принялись за молоко. Девочка выловила пенку прямо пальцем. Странно, но ей совершенно расхотелось её есть. Больше того, она чуть ли не испытывала к ней отвращение.

– Ешь! – прикрикнула на нее старуха. – Неужели ты сделала всё это, а теперь откажешься от награды? Это будет самое вкусное, что ты ела в жизни!

Девочка закрыла глаза ладонью, сморщилась, но положила пенку на язык. Та была приятно-теплой и тут...!

Тут ей показалось, что неземное блаженство разливается по всему телу. Оно начиналось от языка и теплыми, обволакивающими струями полилось вниз, через горло в грудь, через сердце в руки, через желудок все ниже и ниже, до самых кончиков пальцев. Ей показалось, что она превратилась в бесценный сосуд, в который влили божественный нектар. Это чувство было настолько сильно, что девочка даже застонала от блаженства и охватившего её тотального счастья. Старуха схватила её за руку, плотно сжав пальцами запястье.

– Ах! Не зря! Все это было не зря! – лишь выдохнула она и открыла глаза. Ей показалось, что все плывет и изменяется, как будто бы она выпила не молоко, а что-то совсем другое. Радужный мир вокруг неё казался совершенно новым. Старая клеёнка на столе теперь казалась цветущим лугом, жёсткая скамейка – такой мягкой и удобной, что тело испытывало небывалый комфорт. Голая старуха, что сидела напротив,

словно расцвела. Она выхватила шпильки из волос, продолжая держать девочку за руку, и те рассыпались густыми, темными прядями по плечам. Глаза старухи налились молодым блеском, а её отвислые груди теперь почему-то были округлые и наливные, как у молодой женщины. Всё казалось девочке совершенно другим. Старуха засмеялась:

– Ну, как?

– Спасибо вам! – воскликнула девочка. – Вы меня спасли!

– Рано радуешься, деточка, – сказала старуха и встала.

– У меня теперь ведь не будет аллергии?

– Конечно, не будет. Если ты будешь каждый раз варить жабу в молоке, её точно не будет.

И старуха захохотала, как ведьма, запрокидывая голову, показывая крепкие белые зубы.

– Разве она прошла не навсегда? – спросила девочка, но она не могла испугаться или разозлиться, слишком велико было её блаженство.

– О нет! Жаба вытягивает вещества, на которые у тебя аллергия, но в молоке, в котором не варились жаба, эти вещества присутствуют.

– Значит надо каждый раз варить жаб?

– Безусловно.

– Вы скажете мне то заклинание, без которого не будет эффекта?

– Размечталась! Тебе оно не нужно, жаба будет работать и без него.

– Зачем же вы читали его?

– Затем, – властно ответила вдруг старуха. – А теперь прощай.

Старуха подошла к шкафу, вытащила оттуда какую-то одежду и котомку, а потом вышла на улицу.

Девочка хотела уж было пойти за ней, но ноги её подкосились, и она упала, заснув. Всю ночь ей снились поразительные сны.

Проснувшись утром, девочка почувствовала себя очень слабой и поняла, что старуха так и не вернулась. Она поспешно отвязала жабу, помыла место ожога колодезной водой. Ожог был большой и красный, он горел и чесался. Девочка оделась, собрала свои вещи и вышла на улицу. Солнце уже было высоко. Идя по деревенской дороге, девочка проходила мимо дома, где жила бабушка её подруги. Она увидела, как та работает в огороде, и решила зайти.

– Господи! – воскликнула бабушка, увидев девочку. – Что с тобой случилось? Ты как будто не спала неделю!

Бабушка бросила грядки и повела девочку в дом. Там она принялась хлопотать у плиты. Девочка же посмотрела в зеркало и увидела, что её лицо действительно ужасно выглядит: под глазами были мешки, небольшие морщинки обозначились около рта, щёки опухли, да и цвет был абсолютно нездоровый.

– Ничего, – сказала бабушка, ставя перед ней стакан чая и продолжая готовить что-то на плите, – останешься у ме-

ня, на свежем воздухе, покушаешь, как следует, отоспишься, и всё пройдет.

– Не пройдет! – сказала девочка и заплакала. Она рассказала бабушке, что жила две недели у старухи-целительницы. Она рассказала также, про жаб, про то, как старуха ушла и не вернулась. Не сказала только про состояние блаженства, которое она испытала от молочной пенки.

– Господи! – скорбно сказала бабушка. – Теперь уже поздно говорить, конечно, но кто знал, что тебя понесет к этой злой старухе! На самом деле я давно подозревала, что там что-то не чисто. Уже тогда, когда пятнадцать лет назад она появилась в нашей деревне. Тогда эта старуха была ещё молодой и красивой женщиной, просто дьявольски красивой. Но прошло несколько лет, совсем немного, и женщина эта стала быстро-быстро стареть. Поразительно быстро! За пару лет всего она одряхла. Никто ничего не сказал ей, потому что она ни с кем не общалась. Прогнать её из деревни не могли, да и лечила она неплохо, травы собирала. Мало ли что бывает!

Бабушка замолчала.

– Да ты ешь, ешь. Один только раз случился скандал в деревне, связанный с ней. По субботам у нас топили баню, обычная деревенская общая баня. Мы с женщинами пошли туда. Моемся-моемся, как вдруг заходит эта старуха, голая и страшная. Взяла она тазик, примостилась рядом с одной молоденькой девушкой, твоих примерно лет. Сначала стару-

ха попросила у той мыло, потом веник. Глядь, а она уже девке что-то нашёптывает. Мы-то были взрослые, решили вмешаться, уж больно странная была эта старушенция, как бы чего злого девушке не сделала. Я ей и сказала:

– Бабушка! Вы бы к молоденьким не приставали! Мойтесь себе побыстрее, да уходите.

– Много ты понимаешь! – зашипела она и вдруг замахнулась на меня веником. Я прикрылась тазиком, чтобы она меня им не задела, не дай бог, а сама вдруг увидела у неё подмышкой огромный продолговатый кусок кожи, весь сплошь покрытый отвратительными бородавками. Другие женщины это тоже увидели, и кое-кто даже ахнул. Старуха быстро опустила руку и убежала из бани. Потом женщины говорили, что она ищет молоденькую девушку себе в ученицы. А на самом деле, говорили они, она хочет высосать из нее молодость, да забрать себе.

Бабушка закончила рассказ и посмотрела сочувственно на девочку. Но горю уже было не помочь.

Девочка прожила неделю в деревне и, что странно, набралась сил и поправилась окончательно. Точнее, лицо её приобрело нормальный вид, слабость исчезла, только вот ожог подмышкой не прошел. Он заживал медленно, светлел, бледнел, но покрывался противными пупырышками-бородавками. Впрочем, скоро девочка к нему привыкла. Она замечала его редко, только тогда, когда мазала подмышку дезодорантом, потому что болеть он перестал. Спустя какое-то вре-

мя она и это перестала делать, потому что оказалось, что поврежденная кожа больше не потеет. Таким образом, девочка действительно легко отделалась и реабилитировалась.

Старуха-целительница исчезла из деревни навсегда. Никто не видел и не знал, куда она ушла. Дом её стоял пустой, и скоро этот участок купили какие-то новые русские. Они снесли деревянный дом и построили кирпичный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.